
...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

Стеклянные снегири на Птичьем Мосту устроили переполох. Вертятся, звенят, дребезжат, а кажется, что щебечут: «Кто? Кто идет? Кто, кто? Кто к нам идет? Кто? Кто мимо нас прошел? Кто, кто? Кто от нас ушел? Кто?»

А это всего-то Триша идет с рынка. Было бы из-за чего такой шум поднимать.

Корзина ее почти пуста: несколько корешков черного имбиря, шкатулка с зернами кардамона, пучок мяты, фунт горького морского сахара, бутылка кленовой росы, да букет мелких хризантем, еще влажных после утренней поливки. Можно было бы обойтись и без этих покупок, на кухне у Триши нет недостатка в специях и травах, но ей требовался хоть какой-нибудь предлог для неспешной прогулки через весь город — как всегда. Лень всякий раз выдумывать иную причину, изобретать новый маршрут, вот и говорит она себе почти каждое утро, что надо бы отправиться на рынок. Иногда это оказывается правдой; в такие дни ее корзина становится слишком тяжелой, и долгий обратный путь не доставляет особого удовольствия — хорошо, если попадетя попутчик с тележкой, но так редко случается. Поэтому Триша не слишком любит правду, по крайней мере, в мелочах.

«Кофейная гуща» стоит на самом краю города — то есть не просто на окраине, а аккурат на самой

границе между «здесь» и «там», «между светом и тенью», как шутит дядюшка Франк, так что фасад с вывеской выходит на Пустую улицу, а заднее крыльцо, часть палисада и флигель, где иногда ночуют гости, утопают в живом тумане Границы. Поэтому щенки тумана разгуливают по всему дому, лаస్తяся к домочадцам, иногда забираются на колени к посетителям. Они идеальные домашние любимцы: хлопот с ними немного, только и дел — следить, чтобы в кувшин с водой никто сдуру не залез, а то ведь растает, жалко. А больше никакой возни: щенки тумана питаются человеческим вниманием, а лужицы, которые они иногда оставляют на половичках, быстро высыхают сами, наполняя дом ароматом сырости и меда, так что не приходится тратить на благовония. «Следует признать, когда я сама была кошкой, я доставляла своим опекунам куда больше беспокойства — а ведь они считали меня тихоней и умницей», — думает Триша.

Это правда.

Триша, впрочем, до сих пор умница и почти тихоня — оно и неплохо. Франк часто повторяет, что это было самое мудрое решение в его жизни: превратить пеструю кошку Тришу в девушку. Только с кошкой и можно ужиться под одной крышей — при условии, что она перестанет гадить в башмаки своих врагов, научится варить кофе и печь шафрановые коржики. А поскольку все эти искусства легко удаются именно людям, проще сразу превратиться в человека, чем сотню лет учиться цирковым фокусам. Поэтому Трише пришлось превращаться. Она, впрочем, довольна. О Франке и говорить нечего.

Однажды за ужином он обмолвился, что когда-то, очень, очень давно несколько лет прожил в лисьей шкуре и с тех пор доверяет оборотням куда больше, чем обычным людям, или животным. Дескать, тот, кому ни разу не доводилось стать чем-то иным, вообще ничего не знает ни о жизни, ни о себе, а невежество, как известно, хуже

греха, — последнюю фразу Франк повторяет очень часто, по любому поводу и вовсе без повода, произносит ее с видимым удовольствием, смакует, наслаждаясь каждым словом. Глядя на него, Триша почти уверена, что слово «невежество» имеет отчетливый привкус копченой селедки, «хуже» смахивает на черный, вязкий ржаной хлеб, а хрустящий «грех», надо понимать, впитал в себя всю сладость и остроту репчатого лука.

«Насчет невежества и греха Франку, конечно, виднее, но как по мне, на оборотнях свет клином все-таки не сошелся», — думает теперь Триша. Ей нравятся и соседи, и незнакомые горожане, и почти все клиенты, даже те, кто видит «Кофейную гуцу» и городские улицы во сне. Таких тут всегда хватало; здешние жители называют их «призраками» и уделяют им не больше внимания, чем птицам и бабочкам. Глазеют, умиляются, посмеиваются, изредка угощают забавных чужаков домашним печеньем, но на порог стараются не пускать и серьезных бесед не заводят. «Они и правда смешные, эти сновидцы, — Триша улыбается своим мыслям. — Одни с ошалевшим видом слоняются по городу, другие бросаются творить всякие пустяковые чудеса, летают над крышами и скачут сквозь стены, упиваясь собственным могуществом и полной безнаказанностью; третьи деловито обустраиваются на новом месте, даже не подозревая, что несколько часов спустя им придется отсюда исчезнуть — скорее всего, навсегда. И лишь немногие ведут себя правильно: внимательно глядят по сторонам, запоминают важные детали, выспрашивают у словоохотливых горожан дорогу, ищут талисманы и заводят полезные знакомства. Таким удастся вернуться сюда наяву. Не всем, конечно, но все-таки...»

Путешественники вообще не слишком часто сюда попадают. Самый простой путь — приехать на канатной дороге, снизу, из долины. Но это же еще надо как-то туда попасть, а потом набраться мужества и сесть

в ненадежную с виду кабинку, стремительно уползающую куда-то ввысь... Некоторые, впрочем, приходят пешком, есть и такие, что с воплями просыпаются поутру в пустовавших прежде постелях заброшенных домов, а вот Тришины друзья Фанни и Марк, которые живут в синем доме на Тихой улице, ухитрились прибыть в город на воздушном шаре. Теперь-то они уважаемые люди: Марк придумывает наряды для доброй половины городских модниц, а Фанни сумела разговорить булыжники на Большой площади, и старательно записывает их истории, которыми зачитываются буквально все, от мала до велика. Соседи в них души не чают, мосты смеются под их ногами, даже недоверчивые саламандры свили гнездо в их камине и вывели малышей, а этим мало кто может похвастать. Кажется, будто Фанни и Марк всегда жили в городе; некоторые действительно так думают, но Триша хорошо помнит их дурацкий воздушный шар ярко-красного цвета, и как все сбежались смотреть на эту такую невидаль, а потом они с дядюшкой Франком отпавали продюгшую, насмерть перепуганную парочку имбирной водкой и варили для них чесночный суп с зелеными кофейными зернами, у Триши еще гренки подгорели, потому что все время отлучалась от плиты поглядеть, как там эти двое.

И дело вовсе не в том, что Фанни и Марк были какие-то особенные (на самом деле все — особенные, но это отдельный разговор). Просто для Триши и Франка всякий новичок, любой чужак — дорогой гость. Собственно, «Кофейную гуцу» открывали именно для них. Потому и место такое выбрали: на самой границе. Рассудили, что в городе и без того хватает кофеен, кондитерских, баров, чайных павильонов, пивных, пиццерий и ресторанов, а вот встретить заплутавшего путника, угостить его чашечкой кофе и рюмкой крепкой настойки, растолковать, что к чему, а если понадобится, то и обратную дорогу показать, кроме них вроде как никому.

Некоторые гости расплачиваются самоцветами или монетками, иные — простенькими чудесами. Благодаря мрачному господину в полосатом жилете Триша когда-то обзавелась рыжей, кудрявой шевелюрой взамен надоевших светло-русых косичек, с помощью улыбчивой старушки в розовых очках поменяла обычные витражи в спальне на окна, по стеклам которых всегда, даже в солнечную погоду стучит дождь — то есть тому, кто в комнате, кажется, будто на улице дождь, а какая на самом деле погода, не узнаешь, пока не выйдешь. И еще немало полезных новшеств сумела внести в свою жизнь жадная до мелких чудес Триша — а всё они, гости. Но иногда в «Кофейную гуцу» заглядывают клиенты, готовые заплатить за угощение и кров увлекательными историями. Таких Триша любит больше всего. «Если бы не они, мне пришлось бы довольствоваться одной жизнью — собственной, — думает она. — А это очень, очень мало». Выслушивая очередную историю, Триша словно бы проживает чужую жизнь — торопливо, небрежно, не особо вдаваясь в детали, не слишком утруждая свое сердце скорбью, улыбается уголками губ там, где следовало бы хохотать от души — но именно это ей нравится больше всего. Все равно что сливки с чужого молока снять, слизнуть и побежать дальше по своим делам. Типичный кошачий подход к делу, — говорит Франк.

Ну да. А как иначе?

— Я вернулась! — кричит Триша, переступая порог совершенно пустой кофейни. Звонко кричит, чтобы Франку во флигеле было слышно.

— Не ори, — просит он. — Что вернулась, это ты молодец, а вот шуметь совсем не обязательно.

Оказывается, зря она старалась. Франк тут, за стойкой. Но сидит почему-то на полу, а не на табурете, вот его и не видно. Возится с джезвой, строгаёт туда какой-то

крошечный пахучий орешек. Никак опять с кофе экспериментирует. С другой стороны, а чем еще заниматься? В кофейне-то пусто уже который день. Горожане сюда редко добираются, лень им даже ради самого что ни на есть распрекрасного кофе на окраину топать, а гостей издалека что-то давненько не было. Даже сони-сновидицы куда-то пропали, а ведь раньше невозможно было в сад выйти, чтобы на одного из них не наткнуться. Слонялись всюду, даже на кухню заходили порой, с советами лезли, смешные люди... Черт знает, что им там теперь грезится по ночам, только не «Кофейная гуца». Вот Триша с Франком и сидят вдвоем уже который день, угощают друг друга солеными леденцами, сочиняют новые рецепты, гладят туманных щенков, в нарды играют, лениво переставляют шашки, не слишком интересуясь победой — ни дать ни взять старые бобыли, нелюдимые хуторяне, пограничники на всеми забытой заставе. Ну да, изредка бывшие клиенты заглядывают по старой памяти, и еще Алиса из дома на холме почти каждый день заходит после обеда на чашечку кофе, приносит домашние кексы с цукатами, пересказывает соседские сны — небрежно, как сплетни, или анекдоты. Но Алиса не в счет, она не клиент, а старинная подруга, почти член семьи.

И сейчас в кофейне пусто: только Триша, Франк и новый, незнакомый аромат. Он усилился, сгустился, приобрел почти видимые глазу очертания и даже, кажется, вес — того гляди на стул усядется и потребует, чтобы его развлекали беседой. Триша демонстративно морщит нос, поджимает губы, глядит вопросительно: дескать, что за чудные дела у меня на кухне творятся?

— Это мускатный орех, — говорит Франк. — Нравится? У нас на рынке их почему-то совсем нет, а у меня в кармане за подкладкой нашелся. Думаю: а дай-ка сварю для Триши кофе с мускатом. Отличная вещь, если не переборщить, конечно. Но так со всеми специями...

Она кивает, еще раз принюхивается к ореху — на сей раз вполне благосклонно, рекомендация Франка дорогого стоит — а сама тем временем разбирает покупки, мяту ставит в вазу, хризантемы мелко режет острым ножом, складывает в горшочек, поливает виноградным маслом. Будет нынче на обед цветочный салат. Франк его не ест, но разглядывать очень любит. Она знает, это для него очень важно — насытить взор.

— Сегодня у нас будут гости, — говорит Франк. — Так что пляши, Триша.

Это не просто фигура речи, уж ей-то известно. Если Франк говорит: «пляши», значит, надо хоть несколько танцевальных движений сделать, а то не отвяжется. Поэтому Триша пляшет. Вертит задницей, притоптывает ножками в новеньких сандалиях, отбивает ритм ладонями. Стафается.

— И хорошие гости? — спрашивает, переведя дыхание.

— А то. Лучшие не бывает.

Триша поднимает брови, недоверчиво качает головой. Это всегда считалось ее причудой, чуть ли не привилегией: любить гостей, восхищаться ими, записывать в особую тетрадку рассказанные ими истории, с нежностью вспоминать тех, кто заходил прежде, с нетерпением ждать новых. Франк всегда относился к их клиентам с доброжелательным равнодушием. Дескать, и хотел бы всерьез заинтересоваться, да вот беда: слишком долго жил на свете, слишком много повидал, успел понять, что все человеческие лица, в сущности, похожи, а великое множество историй — суть одна история, увлекательная лишь поначалу. Первые лет пятьсот.

— Что же это за гости такие, что даже тебя проняло?

— А вот увидишь, — и он вдруг заговорщически подмигивает.

Нечего и говорить, что с этого момента Тришин день становится длинным и тягучим, часы ее идут так медленно, что лучше бы уж вовсе стояли, дожидаться — не то что

вечера, обеда — решительно невозможно, но ей это, в отличие от большинства, очень нравится. Триша умеет сладко томиться ожиданием, вместо того чтобы маяться. Она много чего умеет, умница, хорошая кошка.

Когда ночь опустилась на город и трава в саду запахла свежими морскими водорослями, а толстые домашние светляки лениво потрусили по садовым дорожкам на свои обычные места, Триша уселась на крыльцо, чтобы не пропустить гостей. Роковая ошибка: услышав за спиной шаги и голоса, она поняла, что гости явились из сада и вошли через заднюю дверь. Странно вообще-то. Обычно через сад только сам Франк и ходит, когда вспоминает (кажется, без особого удовольствия), что у него есть другие дела, кроме города и «Кофейной гущи». Ну и еще, конечно, сновидцы, но они-то не в счет.

«Вот так так!» — озадаченно произносит незнакомый мужской голос, а Франк отвечает: «Было бы чему удивляться»; какая-то женщина просит: «Познакомь нас», а потом они начинают говорить все вместе, выходит совершенно неразборчиво. Триша прислушивается, не решаясь вот так сразу взять да и войти. Иногда она становится застенчивой, и обычно это случается совершенно некстати, вот как сейчас. Она сидит на крыльце и обещает себе: «Вот пусть закончат здороваться, и я зайду...», а потом, минутой спустя: «Ладно, сейчас они потребуют кофе, и тогда...» — и еще через пять минут решает: «Франк меня сам позовет, когда будет нужно».

И словно услышав эти ее мысли, Франк говорит: «Хотел бы я знать, куда подевалась Триша? Небось на крыльце вас караулит». «Я ее знаю?» — неуверенно спрашивает мужской голос, и Франк отвечает: «Не думаю. Но это легко поправимо».

Она понимает, что откладывать знакомство больше нельзя, поднимается со ступеньки, с наслаждением

потягивается, зевает, мотает головой, чтобы взбодриться и заходит в дом.

— Доброй ночи, — говорит она. — Меня зовут Триша. Я — кошка Франка.

Ей, чего греха таить, нравится шокировать таким признанием новых клиентов. Обычно в подобных случаях Франк укоризненно качает головой, но сейчас он одобрительно ухмыляется в усы. Зато гости относятся к Тришиному признанию совершенно спокойно, словно бы ничего иного и не ожидали. Милая сероглазая женщина улыбается Трише с явным сочувствием, только что не подмигивает по-свойски, но к тому идет. Сама, что ли, тоже кошка? Или другой какой-нибудь зверь?

— Изредка я становлюсь птицей, — объясняет она. — Если вдруг что, постарайтесь, пожалуйста, на меня не охотиться. Я крупная, когтистая и сердитая птица. Меня и гладить-то в таких случаях не стоит.

— Не буду охотиться, — обещает Триша. — Я, собственно, и раньше не... Я же была домашняя кошка, какая тут охота! Давайте я вам лучше лимонад принесу. Домашний, из погрёба, хотите?

— Очень хотим, — тут же отвечает мужчина в летнем костюме болотно-зеленого цвета, похожем на полевую военную форму какой-нибудь неизвестной державы, только без знаков отличия.

Триша уставилась на него с нескрываемым любопытством: прежде сюда друзья и знакомые Франка никогда не заглядывали, а ведь она слышала из-за двери: эти двое говорили именно как старые приятели. На первый взгляд, человек как человек, ничего особенного. Светлые рыжеватые волосы несколько месяцев назад, надо думать, были аккуратно подстрижены, но с тех пор изрядно отросли, и теперь закрывают уши и лоб. Подвижное, изменчивое лицо — одно из тех, что почти невозможно запомнить, даже опознать по фотографии — тяжкий труд. Его можно было бы назвать неприметным, если бы не причудливое,